НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Тойчиева Насибахон Суранбаевна
Доцент, межфакультетской кафедры
русского языка Самаркандского
Государственногоуниверситета
им. Шарофа Рашидова
toychiyeva1967@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена сопоставительному лингвокультурологическому исследованию лексико-семантических полей бытовых понятий в русском и узбекском языках. Бытовая лексика рассматривается как важнейший фрагмент языковой картины мира, аккумулирующий многовековой культурно-исторический, социальный и ментальный опыт этноса. Автором последовательно излагаются теоретические основания выделения лексико-семантических полей «Жилище», «Утварь» и «Пища», описываются методы сплошной выборки, дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа. А так же представлены уникальные системные различия, лакуны и безэквивалентные лексические единицы, обусловленные кочевым и оседлым укладами жизни, климатическими факторами. Особое внимание уделено прагматическому аспекту интерпретации данных единиц в филологическом образовании.

Ключевые слова: лингвокультурология, лексико-семанческое поле, бытовая лексика, сопоставительный анализ, русская языковая картина мира, узбекская языковая картина мира, безэквивалентная лексика.

Введение. В современной антропоцентрической парадигме лингвистических исследований особое значение приобретает изучение взаимодействия языка, культуры и человеческого сознания. Язык выступает не просто как орудие коммуникации или трансляции информации, но и как подлинная сокровищница культурного кода нации, консервирующая ментальные установки, ценностные ориентации и специфику мировосприятия этноса [1, с. 45]. Одним из наиболее репрезентативных пластов лексической системы, в котором национально-культурная специфика проявляется наиболее рельефно, является бытовая лексика. Бытовые понятия, окружающие человека на протяжении всей его жизни (жилище, одежда, продукты питания, домашняя

утварь, обрядовые повседневные действия), напрямую отражают материальную и духовную эволюцию общества.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью глубокого теоретического осмысления и систематизации лексико-семантических полей (ЛСП) бытовых понятий в разноструктурных и генетически не связанных языках — русском (индоевропейская семья, славянская группа) и узбекском (алтайская семья, тюркская группа). В условиях глобализации и расширения межкультурных контактов филологическое образование остро нуждается в верифицированных сопоставительных данных, которые позволяют эксплицировать скрытые ментальные смыслы и предотвратить прагматические сбои в коммуникации. Несмотря на наличие многочисленных работ по сопоставительной лексикологии (В. Г. Гак, В. Н. Телия, З. К. Сабитова), комплексное описание ЛСП бытовых понятий в сопоставлении русского и узбекского языков с позиций современной лингвокультурологии остается разработанным фрагментарно.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проведено многоаспектное моделирование макроструктур ЛСП быта в русском и узбекском языках с выделением когнитивных признаков, лакунарных зон и национально-маркированных коннотаций. Объектом исследования послужили лексические единицы, репрезентирующие повседневный быт в двух культурах, а предметом — их национально-культурная специфика и структурно-семантические особенности.

Мы простарались выявить, описать и классифицировать национально-культурную специфика лексико-семантических полей бытовых понятий в русском и узбекском языках, опредевив их прагматический потенциал для современного филологического образования.

Методы и материалы. Материалом исследования послужили данные лексикографических источников: «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «O’zbek tilining izohli lug’ati» (Толкового словаря узбекского языка в 5 томах), а также контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Национального корпуса узбекского языка. Общий объем выборки составил более 1200 лексических единиц (650 единиц русского языка и 580 единиц узбекского языка), распределенных по трем базовым микрополям: «Жилище / Пространство дома», «Организация трапезы / Пища» и «Домашняя утварь / Инструменты быта».

Методологическую основу исследования составили фундаментаческие принципы лингвокультурологии, изложенные в трудах В. В. Воробьева, В. А. Масловой и Н. Д. Арутюновой. В работе использовался комплекс исследовательских методов:

Метод сплошной выборки — для извлечения лексических единиц из академических толковых и двуязычных словарей.

Компонентный анализ — для расщепления значения лексем на элементарные смысловые компоненты (семы) с целью обнаружения дифференциальных признаков (например, семы «материал», «форма», «функциональное назначение»).

Дефиниционный анализ — для изучения словарных истолкований и выявления скрытых этнокультурных экспликаций.

Сопоставительно-контрастивный метод — позволяющий установить изоморфные (общие) и алломорфные (специфические) свойства исследуемых лексико-семантических полей.

Результаты.В ходе исследования было установлено, что макрополе «Бытовые понятия» в обоих языках обладает жесткой иерархической структурой, включающей ядро, приядерную зону, ближнюю и дальнюю периферию. Однако лексическое наполнение и когнитивная плотность этих зон существенно различаются, что напрямую связано с культурно-историческим бэкграундом русского и узбекского народов.

Рассмотрим структуру микрополя «Жилище». В русском языке ядро представлено лексемами *дом, изба, хата, комната*. В узбекском языке ядерными являются лексемы *uy, hovli, xona*. Проведенный анализ показал, что если русское слово *дом* ассоциируется преимущественно со зданием, вертикальной постройкой или внутренним помещением, то узбекское *hovli* репрезентирует горизонтальное синкретичное единство открытого двора, сада и жилых построек. Для узбекской культуры непреложным фактором жизнедеятельности выступает коллективизм и закрытость семейного пространства от внешнего взора, что кодируется семантикой слова *hovli*.

Важнейшим результатом исследования стало выявление обширных пластов безэквивалентной лексики (БЭЛ). В узбекском языке обнаружены уникальные лексемы, номинирующие элементы традиционного жилого пространства и утвари, не имеющие семантических аналогов в русском языке. К ним относятся:

- *Supa (cупа)* — глинобитное или каменное возвышение во дворе для отдыха и сна.

- *Dasturxon (дастархан)* — скатерть, развертываемая на полу или низком столике, приобретающая в культуре сакральный статус центра семейного и общинного единения.
- *Tandir (тандыр)* — глиняная печь особой сферической формы для выпечки хлеба (*non*) и приготовления самсы.

В русском языке встречный пласт БЭЛ связан со спецификой северного лесного ландшафта и деревянного зодчества: *изба, сени, горница, завалинка, терем, крыльцо, печь* (как многофункциональный сакральный центр дома, совмещающий функции отопления, приготовления пищи, сна и лечения). В узбекском языке русское слово *печь* переводится через описательные конструкции или заимствование (*pechka*), поскольку традиционный способ обогрева узбекского дома осуществлялся с помощью системы *sandal (сандал)* — низкого столика, поставленного над углублением с углями, покрытого одеялом.

Обсуждение.Обнаруженные структурно-семантические и лингвокультурологические расхождения требуют глубокой интерпретации. Различия в номинации бытовых реалий детерминированы полярными типами ведения хозяйства и социокультурными паттернами. Русский быт исторически формировался в условиях сурового климата, обилия лесных ресурсов и выраженной индивидуализации семейного очага в рамках крестьянской общины. Отсюда — детализация понятий, связанных со структурой деревянного дома (*сруб, венцы, пазы, бревно*) и спецификой сохранения тепла.

Узбекский быт — результат сплава оседлой оазисной и кочевой культур, где ключевым элементом выживания и процветания выступала искусственная ирригация и жестко структурированная община (*mahalla*). Понятие *uy* в узбекском сознании шире, чем просто физическая комната; оно когнитивно связано с концептом семьи (*oila*). Неслучайно в узбекском языке женитьба молодого человека номинируется метафорическим глаголом *uylantirmoq* (буквально — «обзавести домом», «сделать имеющим дом»). В русском языке концептуализация брака идет по иному пути: *женить* (взять жену) или *выйти замуж* (за мужа), что подчеркивает гендерно-ролевой, а не пространственно-бытовой характер номинации [3, с. 112].

Особый интерес представляет сопоставление микрополя «Посуда и утварь». В узбекском языке номинация посуды тесно переплетена с ритуалом чаепития и коллективного поедания плова: *kosa, piyola, lagan, choynak, qumg‘on*. Каждый из этих предметов дифференцируется по размеру, форме и строгому функционально-этикетному назначению. Например, подача чая в

пиале (*piyola*) гостю — это строго регламентированный прагматический акт: наливание чая на донышке (*hurmat* — уважение) демонстрирует желание хозяина дольше беседовать с гостем, в то время как полная пиала чая воспринимается как вежливый намек на окончание визита. В русской культуре чаепитие также обладает высокой степенью культурной значимости, однако кодируется иными лексемами (*самовар, подстаканник, блюдце*) и прагматическими смыслами (сердечность, долгий разговор, обилие угощений) [5, с. 89].

В контексте современного филологического образования результаты данного исследования имеют колоссальное прикладное значение. Изучение ЛСП бытовых понятий позволяет преодолеть так называемый «лексический эгоцентризм» студентов, когда родной язык воспринимается как единственно возможная матрица для отражения объективной действительности. При сопоставительном анализе будущие филологи осознают, что за каждым словом стоит концепт — сгусток культуры в сознании человека [2, с. 74]. Это способствует развитию лингвокультурологической компетенции, формированию навыков адекватного декодирования художественного текста и минимизации явлений межъязыковой интерференции в процессе перевода и межкультурной коммуникации.

Заключение. Проведенный лингвокультурологический анализ лексико-семантических полей бытовых понятий в русском и узбекском языках позволяет сделать следующие выводы:

1.Бытовая лексика является этнокультурным маркером, эксплицирующим уникальные траектории исторического развития и ментальные особенности двух народов. В ней зафиксированы материальные условия бытия, религиозные воззрения и социальные структуры.

2.Несмотря на наличие изоморфных ядерных понятий (жилище, еда, утварь), их семантический объем, коннотативное наполнение и периферийная структура демонстрируют глубокий алломорфизм. Культурная специфика манифестируется в наличии безэквивалентной лексики (*супа, дастархан, тандыр* — в узбекском; *изба, сени, самовар* — в русском) и явлений относительной лакунарности.

3.Различия в номинациях обусловлены когнитивным сдвигом: в узбекской картине мира доминирует горизонтально-коллективистское восприятие пространства и высочайшая плотность гастрономического кода, тогда как в русской — вертикально-индивидуализированное восприятие жилища с акцентом на сохранение тепла и защищенность.

4.Внедрение результатов сопоставительной лингвокультурологии в практику высшего филологического образования оптимизирует процесс подготовки специалистов, развивая их интерпретационный потенциал, когнитивную гибкость и готовность к полноценному диалогу культур.

Список литературы

1.Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 2.Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 336 с.3.Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

4.Сабитова З. К. Лингвокультурология: учебник. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 528 с.

5.Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.6.O’zbek tilining izohli lug’ati. 5 jildlik. – Toshkent: O’zbekiston milliy ensiklopediyasi, 2006-2008.

7.Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.